

В статье обосновывается эффективность исследования религиозного экстремизма как формы негативного девиантного поведения, классифицируемой в качестве противоправной деятельности. Социально-философская интерпретация экстремизма как социокультурного и политического конструкта позволяет выявить принципы его формирования и механизмы функционирования. Анализируются общее и особенное религиозных групп и религиозных экстремистских организаций, социальных отклонений и проявлений экстремизма.

Ключевые слова: девиантность, девиантное поведение, религиозный экстремизм, радикализация, насильственный экстремизм, социальная девиация.

Введение

В современном мире актуализируется изучение социокультурных феноменов, вызывающих дискуссию относительно оценки их влияния на общественные и политические процессы, факторов возникновения и мер противодействия при наличии их негативного воздействия. Приоритетным направлением работы по укреплению гражданского единства, достижению межнационального и межконфессионального согласия провозглашается формирование «в обществе обстановки нетерпимости к экстремистской деятельности и распространению экстремистских идей» [1]. Экстремизм определяется деструктивным социокультурным феноменом и исследуется как правонарушение. Однако при этом сущность экстремизма остаётся не раскрытой. Что же понимается под экстремизмом? И почему экстремисты себя таковыми не считают? Наоборот, они позиционируют свою деятельность логически обоснованной не только священными текстами и авторитетными мнениями, но стремлением способствовать благосостоянию всего общества, борьбе с негативными социальными процессами. Государство разрабатывает антиэкстремистское законодательство, в соответствии с которым одни объединения и действия признаются экстремизмом, а другие нет. При этом иное государство может диаметрально противоположно относиться к этим же объединениям и действиям. В основе этого находится степень потенциальной и реальной угрозы конкретному существующему социально-политическому устройству и исторически сложившееся отношение к проявлениям такого рода в конкретном обществе (степень девиантности).

Возникающие межрелигиозные противоречия и трудности в религиозно-государственных отношениях, обусловленные политическими и социально-экономическими условиями, способствуют развитию групп экстремистской направленности, основывающих свою деятельность на религиозных идеях, что порождает ряд научно-исследовательских проблем. Во-первых, наличие религиозных составляющих требует проведение анализа организованных форм совместной деятельности, культа и философско-богословского содержания идеологии. Его результаты необходимо сопоставлять с практикой реализации права на свободу совести для разграничения законных и противоправных действий людей, ссылающихся на религиозную принадлежность, а также для демаркации деятельности религиозных групп и религиозных экстремистских организаций. Во-вторых, политическая и правовая оценка явлениям даётся относительно исторического контекста и действий, зафиксированных на определённой территории, при сопоставлении с действующим законодательством и пониманием девиантности. Интерпретация действий происходит в социально-правовом контексте, поскольку только в нём оно имеет смысл, с указанием формы девиантности и характера правонарушений. Во многом сложности в минимизации деструктивного влияния и эффективного противодействия экстремизму заключаются в отсутствии концептуально осмысленного и комплексного подхода к данному феномену.

Целью нашей работы является исследование религиозного экстремизма в качестве формы девиантного поведения методами девиантологии и социологии отклонений. Для этого нам необходимо проанализировать существующие подходы к девиантности и её возникновению, определить философское и правовое содержание понятия «религиозный экстремизм» и охарактеризовать его особенности как формы негативного девиантного поведения. Этимология и семантика понятий «экстремизм» (от лат. *extremum* – крайний) и «девиация» (от лат. *deviatio* — отклонение) указывают на то, что их проявления обладают схожими чертами и являются удалениями от нормы. Однако они обладают рядом сущностных отличий, вызванных спецификой мышления и поведения, факторами возникновения, целями деятельности и характером обоснования. В дальнейшем полученные нами результаты позволят интерпретировать действия экстремистов, обусловленные социально-политическим, историческим и философско-богословским контекстом, и оптимизировать противодействие методами, применимыми к иным правонарушениям.

Методология

Исследование экстремизма как девиантного поведения основывается на классификации его в качестве действий против основ конституционного строя и безопасности государства, предусмотренных статьями 280, 280.1, 282, 282.1, 282.2 и 282.3 Уголовного кодекса Российской Федерации. Методологическая основа является интегративной. Она разработана в рамках постмодернистского подхода, который акцентирует внимание на

девиациях как на социальных и культурных конструктах. Основными принципами исследования являются специальные социологические приёмы Я. Гилинского: а) девиантные практики не являются уникальными; б) знание о них всегда неполное и ограниченное; в) интерпретация социальных норм и отклонений изменчива; г) изучение в рамках социального контекста, которые дополняются статистическими и качественными методами при учёте социальных ситуаций и мотиваций. Анализ девиантности и взаимодействия всех участников конструирования осуществляется на основе исследований диффузных реалий Ю. Комлева. Правонарушители, представители правоохранительных органов и эксперты с помощью языковых средств конструируют как сам феномен, так и формы его социального контроля. Характеристика происхождения экстремистской идеологии и мотивация людей к участию в противоправной деятельности объясняется функциональным подходом. Проявления экстремизма представляют значимость для жизнедеятельности определённой категории людей, отвечая их внутренним запросам и формируя специфические стили мышления и поведения, а также выполняя некие социальные функции. Психологические и когнитивные особенности сознания, выступающие основой для девиации и экстремизма, рассматриваются концепциями Е. Смолевой и Л. Агнати, а детерминированность — Е. Ярошевич. Установление взаимосвязи религиозной традиции и экстремистской идеологии происходит на основе идей М. Юргенсмайера, Дж. Беллера. Социально-философский анализ позволяет выявить общее и особенное религиозной экстремистской деятельности и девиантного поведения, способствует интерпретации поведения экстремистов как специфической модели поведения.

Подходы к исследованию девиантности

Девиантность является объектом исследования девиантологии — науке о различных формах отклоняющегося поведения и механизмах социального контроля; социологии девиантности и социального контроля [2]. Выделяются следующие принципы изучения девиантного поведения. Первый заключается в признании его социальным феноменом, присущим всем без исключения социальным системам. Второй указывает на важность изучения применительно к определённому обществу в конкретный исторический период, что отражает релятивный, конвенциональный характер девиации как социального конструкта. Третий — все девиации функциональны и неустранимы. Всё, что не является функциональным и, следовательно, не способствует пользе социума, исключается в процессе исторического развития. Социальный контроль необходимо направлять на минимизацию негативных последствий формальными и неформальными средствами в рамках гуманизации при сокращении репрессивных мер. Он должен корректировать виды отклонений, а не стремиться к их полному уничтожению. Р. Прус под девиацией понимает ситуации, интерпретируемые социумом как угрозы, оскорбления культуры и традиции, аморальность, наличие которых его дискредитирует [3, с. 60—65]. Однако люди создают свои представления об объективной действительности посредством взаимодействия с окружающими в процессе коммуникации. Исследовательский интерес будет представлять, по мнению Ю. Ю. Комлева, человек с отклонениями как продукт определённого общества, его нормативно-ролевой структуры, культуры и дискурсивных практик. Девиантность может иметь положительные (творчество) или негативные (преступления) последствия [4]. Н. Кристи отмечает, что конструирование феномена преступности зависит от воли властей. Действие становится таковым после придания ему должной оценки, оглашения позиции специалистами и подтверждения судом [5].

В классификации того или иного действия в качестве девиантного необходимо определение границ социальных норм, являющихся результатами отражения в сознании и поступках людей объективных закономерностей общественного развития. Любые социальные нормы относительны, как и отклонения от них. В зависимости от исторического периода отклонения могут рассматриваться позитивными или негативными, так как они представляют собой социальные конструкты, которые являются изменчивыми и разумными и которые выполняют социальные функции. Они позволяют разграничивать дозволенное и недозволенное, поддерживают интегративные тенденции внутри социума, способствуя консолидации нормопослушных граждан и противопоставлению их девиантам. Это может выразиться в составлении специализированных списков. Например, в России существуют «Перечень экстремистов и террористов (действующие)», опубликованный на официальном интернет-ресурсе Росфинмониторинга [6].

Девиантность характеризует действия, отклоняющиеся от установленных в определённом обществе моральных и правовых норм. Под девиантным поведением понимаются конкретные поступки в рамках субъект-объектных отношений, в которых задействованы люди, непосредственно их совершающие, и люди, воспринимающие их таковыми. Девиантность проявляется в способности формировать, планировать, принимать решения и совершать противоправные действия, которые приводят к общественно-негативным последствиям [7, с. 42]. Социально-негативными девиантными действиями являются правонарушения и аморальные поступки. Социальная неопределённость и характер социальных отношений обуславливает закономерное, устойчивое и массовое распространение во времени девиантных форм поведения. В этой связи девиантное поведение есть мотивированное деяние, которое сопровождается несоответствием общепринятым культурным и социальным нормам, причинением вреда окружающим и приводит к общественной оценке и осуждению. Формами его проявления являются индивидуальный социальный акт, последовательность актов и социальное явление, включающее множество поведенческих актов при их устойчивости в течение исторического периода и территориальной распространённости. В случае правонарушений механизмы

социального контроля активируют правовые регуляторы, поэтому девиантное поведение необходимо рассматривать как антрополого-культурно-нормативный социальный феномен [8].

В отечественной науке сложилось несколько подходов к изучению девиаций. Е. Ярошевич, отмечая значимость детерминационного анализа к генезису и развитию девиаций (этиологию), указывает на наличие сложных индивидуальных и социальных взаимосвязей, динамического отношения человека и объективной действительности. Отклонения детерминированы социальной средой и характером коммуникаций (интеракций), совокупностью биологических, психических и социальных свойств человека, а также обстоятельствами совершения. В основе девиантного поведения находятся диспозиции, которые определяют предрасположенность к восприятию определённых условий и готовность к совершению поведенческого акта, последовательности поступков. В этом выражается отношение человека к социуму, имеющийся социальный опыт и субъективные интересы, а также характеризуется его жизненная позиция [9].

Психологический подход к происхождению девиантности развивает Е. Смолева, особо отмечая социально-психологическую дезадаптацию и взаимосвязь с виктимностью. Предпосылкой данного поведения она считает возникновение проблемной ситуации с виктимной личностью, вызывающей фрустрацию в результате противоречия «между желаемым и допустимым, при конфликте – межличностным или внутриличностным противоречием, при стрессе – сильным нестандартным воздействием, при кризисе – резкой сменой жизненных обстоятельств» [10]. Девиантное поведение выступает ответной реакцией на проблемную ситуацию, позволяя переложить ответственность с себя на окружение. Когда человек ощущает себя полноправным субъектом значимой для него социальной коммуникации, разрешение сложных ситуаций осуществляется в рамках действующих норм. Девиантность представляется социально-психологическим феноменом, характеризующимся нарушением социальной адаптации, снижением активности при усвоении общественных ценностей, доминированием индивидуальности и устойчивой направленностью на отклонения.

Интеракционистский подход предполагает, что конструирование социальных проблем осуществляется обществом в лице власти, общественного мнения и средств массовой информации (СМИ). Они определяют соответствующие маркеры, признаки и границы отклонений. Любые социальные феномены, конструируясь интерпретирующими их людьми, становятся реальными. Они выступают символическими массово воспроизводимыми интеракциями, а также действиями и представлениями конкретных людей, имеют знаковые формы и ментальные образы, постоянно изменяются, будучи незавершенными и переосмысляющимися трансформациями, и являются результатом предшествующего опыта. Девиантное поведение, в том числе и преступление, есть релятивное и конвенциональное понятие, обозначающее социальный и языковой конструкт, продукт культурных, социальных и ментальных процессов [11, с. 65]. Правовой статус действия обуславливается государством, в котором они совершаются, а также мерами социального контроля. Не существует действия, сущностно являющегося преступным — девиантным.

Девиантные проявления создаются в процессе реагирования на нежелательные виды деятельности. Я. Гишинский определяет девиантность как социальное явление, выражающееся в относительно массовых, статистически устойчивых формах деятельности, не соответствующих официально установленным (праву) или фактически сложившимся (обычаям и традициям) в данном обществе (культуре) нормам и отношениям [11, с. 7]. Процесс конструирования девиантности включает в себя множество однородных актов, их проблематизирование, легитимизацию проблем и их последствия, выработку социального контроля. Значимая роль в актуализации проблемы экстремизма для широких масс населения отводится СМИ, которые позиционируют её как угрозу национальной безопасности. При увеличении упоминаний и акцентировании внимания СМИ на каких-либо социальных проблемах общество ощущает их рост и воспринимает их в качестве угрозы. Так, отмечается рост «исламской угрозы» в России. Однако ислам выступает фактором идентификации и создания благоприятных условий для продуктивного межрелигиозного диалога [12].

Социальный конструктивизм рассматривает девиантность в качестве результата повседневных практик социального взаимодействия. Объективная действительность понимается как конкретность физического мира, опосредованная социально сконструированными смыслами, которые люди сами создают и воспроизводят как вариации и трансформации того, что уже существует. Поведение людей определяется как равное и значимое, отрицательное и негативное относительно других. С. Генри обосновывает необходимость существования социологии отклонений и социального контроля как самостоятельной науки, исследующей индивидуальное и коллективное поведение, девиантность социальных движений (субкультур), последствия маркировки (клеймирование) — символического оформления обществом девиантного поведения, а также как науки, разрабатывающей способы морального осуждения, наказания или оправдания. Эффективность реинтеграции девиантов обуславливается мерами сглаживания и минимизации последствий. Целью социологии девиантности и социального контроля должно стать создание общей основы объективных знаний для исследования девиантного поведения [13].

Оценка девиантного характера действий осуществляется по критериям: а) функциональности или дисфункциональности социальных ролей; 2) наличия и уровню воспринимаемой угрозы социальному порядку, то есть причин и последствий на индивидуальном и коллективном уровнях. С. Стауфер, подчеркивая роль уголовного законодательства в определении девиантности, указывает на невозможность при сложившейся уголовно-исправительной системе нарушителю самостоятельно принять ответственность, проявить раскаяние и возместить ущерб, так как отрицается возможность личностных трансформаций. Действующее законодательство выступает официальным санкционированным государством институтом, осуществляющим

процесс маркировки (клеймирования), результат которого будет сохраняться в течение всей жизни нарушителя. При вынесении решения, классификации отклонений как правонарушений не учитываются особенности исторического, социально-экономического контекста, временные рамки и жизненные условия. Это не позволяет переинтерпретировать совершённые поступки, воспринимать намерения девиантов в качестве конструктивных и создавать возможности для искупления, исцеления и реконструкции [14].

Итак, под девиантностью понимаются любые идеи или поступки, которые воспринимаются конкретным обществом в определённое время аморальными и дискредитирующими его элементами. Экстремизм представляется социокультурным и политическим явлением, следствием которого является разжигание социальных конфликтов и дестабилизация существующего политического положения. Экстремистами именуется люди, сознательно противопоставляющие себя обществу дихотомической позицией «Мы — Они» в её крайнем проявлении — пропаганде исключительности одних и неполноценности других, негативно относящиеся к представителям иных мировоззренческих установок, отвергающие социокультурные и правовые нормы, совершающие соответствующие действия, включая применение насилия.

Социокультурная и политическая составляющая религиозного экстремизма

Девиантный характер действий определяется общественными представлениями и нормами, а противоправный — действующим законодательством. При этом мнение широкой общественности зачастую не совпадает с позицией правоохранителей. Законодательство России характеризует экстремистскую деятельность, обозначая следующие её проявления: насильственное изменение основ конституционного строя; нарушение территориальной целостности; терроризм; возбуждение розни и пропаганда исключительности, превосходства по какому-либо признаку и другие [15]. Экстремизм включает а) идеологию как мировоззренческую систему координат; б) специфические модели мышления и поведения; в) организованную совместную деятельность; г) способы вовлечения и д) систему обучения. Виды экстремистской деятельности определяются исследователями по политическим, националистическим, религиозным, экологическим компонентам, а также при указании возрастного фактора (молодёжный). Религиозные, национальные или иные компоненты выступают идеологическим содержанием, придающим смысл и обосновывающим достижение конкретных политических целей. При определении сущности экстремизма отмечается ряд характеристик: а) применение насилия; б) осуществление противоправной деятельности, направленной на изменение существующего политического режима; в) пропаганда нетерпимости и практика реализации подобных убеждений в политической сфере; г) антидемократизм; д) антиплюрализм; е) отрицание прав и свобод человека [16, с. 179].

Религия определяет характер социальных отношений и разрабатывает философско-богословскую основу для совместной деятельности верующих. Любая религия интегрирует своих последователей в единое сообщество, доказывает мессианское значение и убеждает в истинности своего вероучения. Интолерантное отношение к иным мировоззренческим убеждениям объясняется исторической сущностью и предназначением религии как социально-экономического, культурного и политического феномена, осуществляющего консолидацию людей [17, с. 30–31]. Однако когда убеждённость в исключительности направляется на разжигание ненависти и стимуляцию социальных конфликтов с применением насилия, тогда деятельность становится противоправной. Религиозные убеждения усиливают возможность применения насилия, обосновывая исполнением воли священного. Экстремизм преобразует религиозную традицию в соответствии с политическими целями, используя мировоззренческие, манипулятивные и компенсаторные свойства религии.

Любые религиозные группы являются склонными к поляризации и разграничению людей на своих и чужих. С богословской позиции они подходят к разрешению повседневных вопросов, определению коммуникационных контактов и установлению распорядка дня участников. М. Юргенсмайер утверждает, что основой для применения насилия религиозными организациями выступает путаница между ценностями и моралью. В насильственном противопоставлении «Мы — Они» участники экстремистских организаций выражают своё участие в космической борьбе (cosmic war) — в противостоянии между Добром и Злом, которое, по их мнению, в настоящее время находится в точке кризиса и требует максимальной отдачи от всех [18]. Данные эсхатологические мотивы также обосновывают насильственные действия, целью которых провозглашается установление всеобщего мирового порядка. Апокалипсические настроения и активность харизматичного лидера увеличивают вероятность проявлений насильственного экстремизма. К. Рамакришна характеризует следующие предпосылки возникновения насильственного экстремизма. Первая — формирование на определённой территории идеологической экосистемы, состоящей из отдельных религиозных проповедников (духовных лидеров), культовых мест и системы обучения, основой которой являются школы-интернаты. Вторая — политические и социально-экономические трудности, которые не разрешаются правительством. Религиозные экстремистские организации предлагают действенное их решение в кратчайшие сроки. Третья — популярность ваххабитских идей, которая приводит к отказу от местных традиций в пользу арабской культуры [19].

Насильственный экстремизм усиливается совместной религиозной деятельностью при наличии внешней угрозы для группы и её ценностей, а индивидуальная религиозность способствует ослаблению. Дж. Беллер и С. Крогер провели соответствующее исследование, в котором учитывались: а) степень религиозности — личное знание религии, частота молитв, посещаемость религиозных сооружений, чтение священных текстов; б)

уровень воспринимаемой угрозы — исторически сложившаяся напряжённость, межрелигиозная враждебность; в) демографические переменные — пол, возраст, образование, уровень урбанизации. Более склонными к насилию оказались мужчины, часто посещающие религиозные сооружения (мечети, церкви, места собраний), при наличии высокого уровня потенциальной угрозы, а менее — женщины с высоким уровнем образования и разделяющие традиционные идеи. Возраст, личное отношение к религии, частота чтения религиозных текстов значения не имеют [20]. Кроме того, предрасположенными к насилию являются люди более замкнутые и не имеющие широких внешних контактов. С. Эвертон отмечает определённую тенденцию — в любой замкнутой группе мировоззренческие установки из всех имеющихся стремятся в сторону наиболее крайних версий. Внешнее давление на группу со стороны государства, отмечающего противоправный характер действий, и общества, подчеркивающего наличие отклонений в поведении участников, усиливают радикализацию. Это приводит к сакрализации «Мы» — «Свои» и демонизации «Они» — «Чужие», сведению внешних контактов к минимуму и увеличению интенсивности взаимодействия между своими, вовлечению новых участников только посредством доверительных связей и личных знакомств [21].

Религиозные экстремистские организации являются строго стратифицированными по критериям доступа к информации и исполняемым статус-ролям. Лидеры разрабатывают альтернативные интерпретации социально-политических и духовных процессов на основе идеологических положений и собственных потребностей и интересов. Рядовые участники, принимая требования руководства в качестве религиозных обязательств, совершают противоправные действия, являясь искренне убеждёнными в следовании религиозной традиции. Участие в совместной деятельности мотивируется возможностью достижения индивидуальных целей. Для поддержания целостности данные организации предоставляют участникам свободу создания индивидуальных смыслов, возможности для самореализации и коллективную поддержку и заботу. Когда человек осознаёт свою значимость, удовлетворяет свои потребности в доверии, надёжности и развитии в конкретной организации, то он начинает идентифицировать себя с ней. Внутри экстремистских организаций существует своя система социальных норм и социального контроля, что приводит к формированию специфического понимания девиантности. Понимание отклонений и девиантного поведения применимо и относительно них. Общество и государство воспринимают поступки религиозных экстремистов девиациями. В свою очередь, религиозные экстремисты также относятся к поведению иных людей, которые не желают, по их мнению, следовать логичному и разумному пути развития, предлагаемому их идеологией. Отвечая на вопросы, заданные в начале статьи, мы отмечаем сложность выявления сущности экстремизма по причине относительности девиантности, её применения как маркера к различным социальным проявлениям, а также необходимости учёта действующего законодательства, социально-политического и исторического контекста. В социально-философском анализе религиозного экстремизма продуктивным представляется обозначение девиантности как одного из аспекта исследования анализа наряду с психическими особенностями, работой когнитивной системы и отношением действующего законодательства.

Противодействие экстремизму как негативному социокультурному и политическому явлению должно учитывать девиантный характер действий, особенности когнитивной системы и психики участников экстремистских организаций, а также действующее законодательство. Из предлагаемых мер стоит отметить несколько вариантов. Первый, составление «карт заражённых районов» посредством оперативно-розыскных мероприятий и социальных исследований для последующей концентрации ресурсов на проблемных территориях [19]. Второй, использование математической модели для вычисления критического уровня экстремистов в обществе при учёте социальной динамики, скорости реабилитации и среднего срока уголовного наказания, а также выделение в обществе категорий восприимчивых, экстремистов, вербовщиков и реабилитирующихся [22]. Третий, рассмотрение конкретных действий в культурном контексте как отход от гармонии и благополучия общества, в решении которого необходимо осуществлять поиск правды при последующем извинении, прощении и примирении. Материальное возмещение является показателем принятия ответственности и стремления исправлять совершённые ошибки [14]. На наш взгляд, интеграция указанных предложений в существующую антиэкстремистскую систему может способствовать оптимизации материально-финансовых затрат и повышению эффективности, а демаркация социальных девиаций и противоправных действий экстремистской направленности — конкретизации законодательства в этой области.

Девиантность религиозного экстремизма как социокультурного и политического конструкта

Девиации могут иметь и конструктивный аспект, выражающийся в акцентировании внимания на определённых нормах, повышении личной самобытности и даже пропаганде некоторых здоровых культурных традиций. Именно социокультурный и политический контекст формирует характер отклонений. Религиозные экстремисты организуют свою совместную деятельность и функционируют в качестве социальных групп. Они используют собственные всем объединениям людей характеристики, которые реализуются в специфических проявлениях. Отметим несколько.

Первая — создание психологического комфорта и формирование ощущения индивидуальной значимости. Любая организация стремится создать благоприятный климат, подкрепляемый одинаковым восприятием действительности и единообразной моделью мышления и поведения. Организованное взаимодействие при наличии общего психологического состояния, общей цели, согласно которой участники организуют свои статус-роли, и мировоззренческих убеждений, а также участия в совместных ритуальных практиках создаёт

общую интенциональность и институциональную реальность. Каждый участник принимает потребности других и в соответствии с этим строит свою иерархию потребностей. Формирование единых смыслов событий и конструирование реальности происходит посредством нарративов. При этом участники воспринимают свою повседневную жизнь в качестве подлинного существования [23].

Социальная идентичность отражает социально-психологический контекст отклонений. Люди инстинктивно стремятся к тем социальным группам, которые обладают положительными качествами, проявляют заботу, предоставляют душевную теплоту и поддержку, а также сложившимися чёткой нормативной системой и путями удовлетворения потребностей в самореализации [24]. Религия используется для формирования коллективной идентичности. Критерием адаптации человека выступает интеллектуальная и психологическая сопричастность коллективу, а не его предшествующие социальные роли [25, с. 48]. Религиозные экстремистские организации предлагают систему норм и ценностей, характеристикой которой является чёткая мировоззренческая дихотомия, разграничение добра и зла. При наличии таких девиантных групп общество стремится от них дистанцироваться, создавая и поддерживая свой позитивный образ при сопоставлении с ними. Так мусульмане во всем мире отказываются признавать исламских террористов мусульманами, указывая на совершение ими девиантных действий относительно исламской традиции.

Религиозные экстремистские организации направляют своих участников на достижение общей цели, формируя у них соответствующие мировоззренческие установки и подкрепляя ощущением подлинности существования. Формирование единых представлений о коллективной деятельности и функциональных обязанностях, интерпретация действий происходят в процессе социального конструирования. Все пропагандируемые идеи религиозными экстремистами являются порочными, так как не реагируют на рациональную критику и провоцируют негативные процессы в мышлении [26, с. 712]. При этом религия не только придаёт смысл их жизни, но и способствует конструированию альтернативной реальности, опирающейся на идею установления мирового порядка. Противопоставление себя окружающему миру основывается на отказе принять существующий порядок, что вызывает психологическое возмущение и провоцирует стремление создать лучший мир, который будет соответствовать их представлениям и идеологическим положениям [27, с. 169–170]. Деятельность террористической организации «Хизб ут-Тахрир аль-Ислами» направлена на установление идеального государства — халифата, которое будет функционировать на принципах справедливости ко всем людям [28].

Вторая характеристика заключается в наличии идеологии, состоящей из социально-философских положений, обосновывающих характер совместной деятельности и разделяемых всеми участниками. Идеология культивирует чувство преданности, усиливает его фактором священного и обосновывает исполнением «великой» миссии, подкрепляя социальными и религиозными ритуалами, для достижения цели. Этим обеспечивается организованная форма совместной деятельности, осуществляется поощрение и побуждение участников к противоправным действиям. Коллективные представления определяют индивидуальные подходы на объективную действительность, формируют соответствующий образ мышления и поведенческие паттерны. Их соответствие социально-философским положениям идеологии регулируется механизмами внутриорганизационного социального контроля. Идеология религиозных экстремистских организаций представляет собой совокупность социально-философских положений, конструирующих альтернативную реальность и обосновывающих специфические стили мышления и поведения. Они представляются в виде нарративов, создаются лидерами на основе авторитетных священных текстов и подкрепляют уникальность группы [29, с. 131]. Религиозные экстремисты, стремясь доказать истинность своих убеждений, получают сходство с фанатизмом, интенсивным чувством идеологического пыла, сопровождающимся высококонцентрированным и устойчивым набором действий, в которых выражается преданность к определённой системе мировоззренческих установок [3, с. 49].

Третья — интуитивное противодействие процессуальной несправедливости в группе и поиск путей самореализации. Стабильное функционирование и психологическое благополучие людей зависит от уровня личностной независимости — наличия возможностей проявить свободу воли, и социально ответственного взаимодействия с другими. Отклонения становятся результатом неудовлетворённости социальных потребностей в существующей психологической среде. Процессуальная несправедливость, при которой единые правила не соблюдаются всеми участниками в зависимости от их статус-ролей, отсутствие возможностей повлиять на общественную и политическую жизнь, неточность предоставляемой информации и отсутствие моральных стандартов, общих для исполнения всеми, приводит к угнетению взглядов и чувств, психологическому расстройству рядовых участников и, как следствие, девиантным проявлениям. Дж. Мишель и М. Харгис отметили, что мотивация девиантных действий опосредуется наблюдаемой процессуальной несправедливостью [30]. Религиозные экстремистские организации учитывают данную мотивацию и стремление людей к процессуальной справедливости, декларируют равенство всех участников перед священным и относительно друг друга. Ими отрицается структурная иерархия. Однако провозглашаемое социальное равенство не соответствует действительности, а выступает конспиративным механизмом. Оно затрудняет сотрудникам правоохранительных органов выявлять структуру и доказывать наличие организованной деятельности, так как каждый участник декларирует их отсутствие.

Кроме того, обоснованием девиантного поведения религиозных экстремистов можно рассматривать их отношение к существующему обществу как неинновационному, которому недостаёт подлинности и которое ограничивает их личностный рост. Мотивацией выступает стремление выйти из него и стать членом другого,

инновационного, общества, позволяющего и поощряющего индивидуальность, наделяющего рациональным смыслом события, который отвечает субъективным запросам человека. Они начинают поиск своего «Я», что приводит к нарушению правил, контрпродуктивному и дисфункциональному поведению [23]. Участие в деятельности экстремистской организации представляется одним из вариантов реализации данного стремления к подлинному существованию. При этом участниками игнорируется, что данные организации обладают собственными социальными нормами и системой их контроля, а поддержание совместной интенциональности осуществляется нарративами, закреплёнными в идеологии. В результате они из одной повседневности переходят в другую, которая, предъявляет свои требования и предоставляет, как правило, значительно меньше альтернатив решения проблем и возможностей для самореализации.

Справедливости ради стоит отметить, что указанные организационные свойства не являются уникальными для религиозных экстремистских организаций. Они имеют место быть в любом религиозном объединении, в том числе и в тех, которые осуществляют противоправную деятельность. Статус «экстремистской организации» обуславливается действующим законодательством в данной области, целью деятельности, отличной от религиозной традиции и обладающей политической направленностью, а также деструктивными последствиями для социума. Государство определяет противоправный характер деятельности и отделяет данные социальные группы, внося их в перечень экстремистских организаций [31]. Именно наличие тех же качеств, механизм работы и формирования религиозного мировоззрения, что и у любых религиозных объединений, позволяет экстремистским организациям эффективно функционировать. Во-первых, ими используются тысячелетиями проверенные и отобранные способы прозелитизма, вовлечения и обучения, а также когнитивные состояния сознания и особенности психики для включения идеологических положений в уже существующие представления об окружающем мире, обществе и самих себя. Во-вторых, обладая внешними свойствами религиозных объединений и преобразуя религиозные идеи, они позиционируют свои действия в рамках религиозной традиции, а соответствующие действия правоохранительных органов — как посягательства на осуществления ими своего права на свободу совести и притеснения религии. Если деятельность религиозной экстремистской организации не имеет ярко выраженного девиантного характера, то нередко в их защиту выступает широкая общественность. Например, уголовное наказание участников международного религиозного объединения «Нурджулар» [32], деятельность которого позиционируется исполнением норм исламского вероучения и основывается на специфическом толковании Корана, представляется многими правозащитниками необоснованным и превышающим полномочия правоохранителей.

Заключение

Религиозный экстремизм как социокультурный и политический конструкт современности можно рассматривать в качестве формы негативной девиантности. Совершаемые поступки классифицируются государством как преступления экстремисткой направленности. Возникающая социальная напряжённость свидетельствует о восприятии общественностью данных действий девиациями. Девиантный характер религиозного экстремизма обосновывается отклонением от естественного состояния когнитивной системы и психики человека. Причинами этого могут быть нестандартные реакции на внешние раздражители, провоцирующие возникновение устойчивых, эмоционально насыщенных образов. Это вызывает чувство ненависти и агрессию в отношении иных людей по какому-либо признаку. Уникальные интеллектуальные способности получают расстройства в функционировании сознания, которые приводят к возникновению идей и поведенческих паттернов, отклоняющихся от общественной нормы [33]. Принуждение со стороны государства и негативная оценка обществом способствуют замкнутости группы, её дистанцированности, сакрализации «Мы» и демонизации «Они», что приводит к сокращению внешних коммуникативных контактов, к радикализации мировоззренческих установок и, как следствие, насильственному экстремизму.

Религиозный экстремизм представляется результатом преобразования религиозной традиции в соответствии с политическими целями организации при участии духовных авторитетов, преследующих собственные интересы. Религиозные экстремистские организации функционируют в качестве социальных групп, позиционируя себя религиозными объединениями. Понимание действий экстремистскими определяется отношением государства к социальным феноменам, противоречащим социально-политическому положению и конституционному строю, представляющим угрозу для его существования на данном историческом этапе. Следовательно, не все девиантные действия, обусловленные религиозным фактором, должны квалифицироваться в качестве экстремизма. Например, крайние формы религиозного рвения и аскетизм. При этом можно утверждать, что все экстремистские действия обуславливаются девиантностью. Исследование специфики религиозного экстремизма, механизмов функционирования экстремистских идей, их демаркация с религиозной традицией представляется актуальным для повышения эффективности мер по противодействию и оптимизации государственно-религиозных отношений.

Литература

1. Стратегия противодействия экстремизму в Российской Федерации до 2025 года // Законы, кодексы и нормативно-правовые акты РФ. URL: <http://legalacts.ru/doc/strategija-protivodejstvija-ekstremizmu-v-rossijskoi-federatsii-do/> (дата обращения: 28.02.2019).

2. Гишинский Я. И. Советская социология девиантности // Вестник Казанского юридического института МВД России. 2010. № 1. С. 7—19.
3. Prus R. Terrorism, tyranny, and religious extremism as collective activity: Beyond the deviant, psychological, and power mystiques // *The American Sociologist*. 2005. Vol. 36, Is. 1. P. 47—74.
4. Комлев Ю. Ю. Теории девиантного поведения. От классических построений к модернистско-посмодернистскому синтезу // Вестник Казанского юридического института МВД России. 2011. № 4. С. 4—11.
5. Кристи Н. Приемлемое количество преступлений / под общ. ред. Я. И. Гишинского ; пер. с англ. Е. Матерновской, 2-е изд. СПб.: Алетейя, 2011. 176 с.
6. Перечень экстремистов и террористов (действующие) // Сайт Росфинмониторинга РФ. URL: <http://www.fedsofm.ru/documents/terrorists-catalog-portal-act> (дата обращения: 28.02.2019).
7. Барановский Н. А. Антидевиантная политика. Теория и социальная практика. Минск: Белорусская наука, 2011. 271 с.
8. Барановский Н. А. Социально-негативные девиации и стратегии антидевиантной политики // Социологический альманах. 2010. № 1. С. 68—76.
9. Ярошевич Е. А. Девиантность и виктимность личности в генезисе и развитии девиантного поведения // Весник Магілёўскага дзяржаўнага ўніверсітэта імя А.А.Куляшова. Сер. Д, Эканоміка, сацыялогія, права. 2016. № 2. С. 53—59.
10. Смолева Е. О. Формирование девиантного поведения несовершеннолетних // Гуманитарные научные исследования. 2014. № 9. URL: <http://human.snauka.ru/2014/09/7741> (дата обращения: 10.12.2018).
11. Конструирование девиантности / сост. Я. И. Гишинский. СПб.: ДЕАН, 2011. 224 с.
12. Tolmacheva S. M., Reshetnikova I. G., Stashkovskaya N. V., Melnik V. V., Samoylova Y. V. The influence of the Islamic factor on the formation of religious identity // *European Journal of Science and Theology*. 2018. Vol. 14, is. 6. P. 77—86.
13. Henry S. Deviance and Social Control sociology of. In: Rune hov A. L., Oviedo L. *Encyclopedia of Sciences and Religions*. Dordrecht: Springer, 2013.
14. Stauffer C. Transitional Justice. In: Bruinsma G., Weisburg D. *Encyclopedia of Criminology and Criminal Justice*. New York, Heidelberg, Dordrecht, London: Springer, 2014.
15. О противодействии экстремистской деятельности: федеральный закон от 25 июля 2002 г. № 114-ФЗ // Информационно-правовой портал. URL: <http://base.garant.ru/12127578/> (дата обращения: 30.01.2019).
16. Рязанов Д. С. Религиозный экстремизм, религиозно-политический экстремизм и религиозный фундаментализм: общее, особенное, единичное // Изв. Иркут. гос. ун-та. Сер. Политология. Религиоведение. 2014. № 1. С. 177—184.
17. Оганесян С. С., Михайлов В. К. Проблемы правового содержания права на свободу совести и вероисповедания, а также определение религиозного экстремизма // Право и современные государства. 2015. № 3. С. 27—36.
18. Turpin J. *Terror in the Mind of God: The Global Rise of Religious Violence*. By Mark Juergensmeyer. Berkeley and Los Angeles: University of California Press, 2000. P. 316 // *American Journal of Sociology*. 2001. P. 234—235.
19. Ramakrishna K. The Radicalization of Abu Ham die: Wider Lesson for the Ongoing Struggle Against Violent, Extremism in Post-Marawi Mindanao // *Journal of Asian Security and international Affairs*. 2018. Vol. 5, is. 2. P. 111-128.
20. Beller Joh., Kroger C. Religiosity, Religious Fundamentalism, and Perceived Threat as Predictors of Muslim Support For Extremist violence // *Psychology of Religion and Spirituality*. 2018. Vol. 4, is. 10. P. 345—355.
21. Everton S. Social Networks and Religious Violence // *Review of Religious Research*. 2016. Vol. 58, is. 2. P. 191—217.
22. Santoprete M. Global Stability in a mathematical model of de-radicalization // *Physica A: Statistical Mechanics and its Applications*. 2018. Vol. 509. P. 151—161.
23. Zare M. Deviance as Inauthenticity: an Ontological Perspective // *Philosophy of Management*. 2016. Vol. 15, is. 2. P. 151—159.
24. Hornsey M. Dissent and deviance in intergroup context // *Current Opinion in Psychology*. 2016. Vol. 11. P. 1—5.
25. Хаустова Н. А. Идеологические и психологические аспекты изучения религиозного экстремизма // Вестник Полесского государственного университета. Сер.: Общественные и гуманитарные науки. 2018. № 1. С. 47—50.
26. Leeuwen N. Religious credence is not factual belief // *Cognition*. 2014. Vol. 133 (3). P. 698—715.
27. Harrington, N. Irrational Beliefs and Socio-Political Extremism // *Journal of Rational-Emotive & Cognitive-Behavior Therapy*. 2013. Vol. 31 (3). P. 167—178.
28. Решение Верховного Суда РФ от 14 февраля 2003 г. № ГКПИ 03-116 о признании террористическими организации: ... «Партия исламского освобождения» («Хизб ут-Тахрир аль-Ислами»)... и запрете их деятельности // Национальный антитеррористический комитет. URL: <http://nac.gov.ru/zakonodatelstvo/sudebnye-resheniya/reshenie-verhovnogo-suda-rf-ot-14-fevralya.html> (дата обращения: 01.03.2019).
29. Cohen R. *The Evolution of Extremism*. N.-Y.: Palgrave Macmillan, 2013. P. 131.
30. Michel J., Hargis M. What motivates deviant behavior in the workplace? An examination of the mechanisms by which procedural injustice affects deviance // *Motivation and Emotion*. 2017. Vol. 41, is. 1. P. 51—68.

31. Перечень некоммерческих организаций, в отношении которых принято вступившее в законную силу решение о ликвидации или запрете деятельности по основаниям, предусмотренным ФЗ «О противодействии экстремистской деятельности» // Министерство юстиций РФ. URL: https://minjust.ru/ru/nko/perechen_zapret (дата обращения: 05.03.2019).

32. Решение Верховного Суда Российской Федерации от 10.04.2008 № ГКПИ08 — о признании международного религиозного объединения «Нурджулар» экстремистским и запрете его деятельности на территории России // Генеральная прокуратура РФ. URL: <http://genproc.gov.ru/special/smi/news/news-63034/> (дата обращения: 01.03.2019).

33. Agnati L., Marcoli M., Agnati U., Ferraro L., Guidolin D., Maura G. The mis-exaptation of the prediction capability of humans and emergence of intolerant religious beliefs // *Neurology, Psychiatry and Brain Research*. 2017. Vol. 23, P. 43—53.

References

1. Laws, codes and regulations of the Russian Federation (2014) *Strategiya protivodeystviya ekstremizmu v Rossiyskoy Federatsii do 2025 goda* [The strategy of countering extremism in the Russian Federation until 2025]. [Online] Available from: <http://legalacts.ru/doc/strategija-protivodeistivija-ekstremizmu-v-rossiiskoi-federatsii-do/> (Accessed: 28.02.2019). (In Russian).

2. Gilinskij, YA. I. (2010) *Sovetskaya sociologiya deviantnosti* [Soviet Sociology of Deviance], *Vestnik Kazanskogo yuridicheskogo instituta MVD Rossii* [Bulletin of Kazan Law Institute of the Ministry of Internal Affairs of Russia], no 1, pp. 7—19. (In Russian).

3. Prus, R. (2005) Terrorism, tyranny, and religious extremism as collective activity: Beyond the deviant, psychological, and power mystiques, *The American Sociologist*, vol. 36, is. 1, pp. 47—74.

4. Komlev, YU. YU. (2011) *Teorii deviantnogo povedeniya. Ot klassicheskikh postroenij k modernistko-posmodernistskomu sintezu* [Theories of deviant behavior. From classical constructions to modernist-posmodern synthesis], *Vestnik Kazanskogo yuridicheskogo instituta MVD Rossii* [Bulletin of Kazan Law Institute of the Ministry of Internal Affairs of Russia], no 4, pp. 4-11. (In Russian).

5. Christie, N. (2011) *Priemlemoe kolichestvo prestuplenij* [A Suitable Amount of Crime] / Gilinskogo YA. I. (ed); Translated by. E. Maternovskoj, 2 nd ed. SPb.: Aletejya Publ., (In Russian).

6. Rosfinmonitoring website of the Russian Federation (2019) *Perechen' ekstremistov i terroristov (deystvuyushchiye)* [The list of extremists and terrorists (acting)]. [Online] Available from: <http://www.fedrfm.ru/documents/terrorists-catalog-portal-act> (Accessed: 02/28/2019). (In Russian).

7. Baranovskij, N. A. (2011) *Antideviantnaya politika. Teoriya i social'naya praktika* [Anti-deviant policy. Theory and social practice]. Beloruskaya navuka Publ., Minsk, Belorussia. (In Russian).

8. Baranovskij, N. A. (2010) *Social'no-negativnye deviacii i strategii antideviantnoj politiki* [Socially negative deviations and strategies of anti-deviant polit], *Sociologicheskij al'manah* [Sociological almanac], no 1, pp. 68—76. (In Russian).

9. YArOshevich, E. A. (2016) *Deviantnost' i viktimmnost' lichnosti v genezise i razvitii deviantnogo povedeniya* [Deviance and victimization of personality in the genesis and development of deviant behavior], *Vesnik Magilyoŷskaga dzjarzha Naga Universiteta A. Kuljasova. Ser. D, Ekanomika, satsyalogiya, prava* [News of Magile Dzarzha Naga Universiteta A. Kuljasova. Ser. D, Ekanomika, satsyalogiya, rights], no 2, pp. 53-59.

10. Smoleva, E. O. (2014) “Formirovanie deviantnogo povedeniya nesovershennoletnih” [Formation of deviant behavior of minors], *Gumanitarnye nauchnye issledovaniya* [Humanitarian scientific research], no 9. Available from: <http://human.snauka.ru/2014/09/7741> (Accessed: 10.12.2018). (In Russian).

11. Gilinskij, YA. I. (ed.) (2011) *Konstruirovanie deviantnosti* [Construction of deviance], SPb. : DEAN Publ. (In Russian).

12. Tolmacheva, S. M., Reshetnikova, I. G., Stashkovskaya, N. V., Melnik, V. V. & Samoylova, Y. V. (2018) The influence of the Islamic factor on the formation of religious identity, *European Journal of Science and Theology*, vol. 14, is. 6, pp. 77—86.

13. Henry, S. (2013) “*Deviance and Social Control sociology*” of. In: Rune hov, A. L., Oviedo, L. (eds) *Encyclopedia of Sciences and Religions*. Dordrecht: Springer, 2013.

14. Stauffer, C. (2014), *Transitional Justice*. In: Bruinsma G., Weisburg D. (eds) *Encyclopedia of Criminology and Criminal Justice*. New York, Heidelberg, Dordrecht, London: Springer.

15. Informational-legal portal (2002) *O protivodeystvii ekstremistskoy deyatel'nosti: federal'nyy zakon ot 25 iyulya 2002 g. № 114-FZ* [On countering extremist activity: federal law of July 25, 2002 No. 114-ФЗ]. [Online] Available from: <http://base.garant.ru/12127578/> (Accessed: 30.01.2019). (In Russian).

16. Ryazanov, D. S. (2014) *Religioznyy ekstremizm, religioznyy politicheskij ekstremizm i religioznyy fundamentalizm: obshchiy, chastnyy, individual'nyy* [Religious Extremism, Religious Political Extremism and Religious Fundamentalism: General, Particular, Individual], *Izv. Irkut. gos. un-ta. Ser. Politologiya. Religiovedeniye* [Izv. Irkut. state un-that. Ser. Political science. Religious studies], no. 1, pp. 177 –184. (In Russian).

17. Oganessian, S. S. & Mikhailov, V. K. (2015) *Problemy pravovogo sodержaniya prava na svobodu sovesti i veroispovedaniya, a takzhe opredeleniye religioznogo ekstremizma* [Problems of the legal content of the right to

freedom of conscience and religion, as well as the definition of religious extremism], *Pravo i sovremennyye gosudarstva* [Law and modern states], no. 3. pp. 27—36. (In Russian).

18. Turpin, J. (2001) *Terror in the Mind of God: The Global Rise of Religious Violence*. By Mark Juergensmeyer. Berkeley and Los Angeles: University of California Press, 2000. P. 316, *American Journal of Sociology*, pp. 234—235.

19. Ramakrishna, K. (2018), The Radicalization of Abu Ham die: Wider Lesson for the Ongoing Struggle Against Violent, Extremism in Post-Marawi Mindanao, *Journal of Asian Security and international Affairs*, vol. 5, is. 2, pp. 111—128.

20. Beller, Joh. & Kroger, C. (2018) Religiosity, Religious Fundamentalism, and Perceived Threat as Predictors of Muslim Support For Extremist violence, *Psychology of Religion and Spirituality*, vol. 4, is. 10, pp. 345—355.

21. Everton, S. (2016) Social Networks and Religious Violence, *Review of Religious Research*, vol. 58, is. 2, pp. 191—217.

22. Santoprete, M. (2018) Global Stability in a mathematical model of de-radicalization, *Physica A: Statistical Mechanics and its Application*, vol. 509, pp. 151—161.

23. Zare, M. (2016) Deviance as Inauthenticity: an Ontological Perspective, *Philosophy of Management*, vol. 15, is. 2, pp. 151—159.

24. Hornsey, M. (2016), Dissent and deviance in intergroup context, *Current Opinion in Psychology*, vol. 11, pp. 1—5.

25. Haustova, N. A. (2018), Ideologicheskie i psihologicheskie aspekty izucheniya religioznogo ehkstremitizma [Ideological and psychological aspects of the study of religious extremism], *Vestnik Poleskogo gosudarstvennogo universiteta. Ser.: Obshchestvennye i gumanitarnye nauki* [Bulletin of Polesye State University. Ser. : Social and Human Sciences], no 1, pp. 47—50.

26. Leeuwen, N. (2014) Religious credence is not factual belief. *Cognition*, vol. 133 (3), pp. 698—715.

27. Harrington, N. (2013) Irrational Beliefs and Socio-Political Extremism, *Journal of Rational-Emotive & Cognitive-Behavior Therapy*, vol. 31 (3), pp. 167—178.

28. Nacional'nyj antiterroristicheskij komitet (2003) *Reshenie Verhovnogo Suda RF ot 14 fevralya 2003 g. № GKPI 03-116 o priznanii terroristicheskimi organizacii: ... «Partiya islamskogo osvobozhdeniya» («Hizb ut-Tahrir al-Islami») ... i zaprete ih deyatel'nosti* [Decision of the Supreme Court of February 14, 2003 № GKPI 03-116 on the recognition of terrorist organizations: ... «Islamic liberation Party» («Hizb ut-Tahrir al-Islami») ... and ban their activities]. [Online] Available from: <http://nac.gov.ru/zakonodatelstvo/sudebnye-resheniya/reshenie-verhovnogo-suda-ot-14-fevralya.html> (Accessed: 01.03.2019). (In Russian).

29. Cohen, R. (2013) *The Evolution of Extremism*. N.-Y.: Palgrave Macmillan. P. 131.

30. Michel, J. & Hargis, M. (2017) What motivates deviant behavior in the workplace? An examination of the mechanisms by which procedural injustice affects deviance, *Motivation and Emotion*, vol. 41, is. 1, pp. 51—68.

31. Ministry of Justice of the Russian Federation (2019) *Perechen' nekommercheskikh organizatsiy, v otoshenii kotorykh prinyato vstupivshye v zakonnuyu silu resheniye o likvidatsii ili zaprete deyatel'nosti po osnovaniyam, predusmotrennym FZ «O protivodeystvii ekstremistskoy deyatel'nosti»* [The list of non-profit organizations in respect of which the decision to liquidate or ban activities on the grounds provided for by the Federal law "on countering extremist activity" has entered into force]. [Online] Available from: https://minjust.ru/ru/nko/perechen_zapret (Accessed: 05.03.2019). (In Russian).

32. General'naya prokuratura RF (2008) *Reshenie Verhovnogo Suda Rossijskoj Federacii ot 10.04.2008 № GKPI08-o priznanii mezhdunarodnogo religioznogo ob edineniya «Nurdzhular» ehkstremitiskim i zaprete ego deyatel'nosti na territorii Rossii* [decision of the Supreme Court of 10.04.2008 № GKPI08 — on the recognition of the international religious Association «Nurdjular» extremist and ban its activities in Russia]. [Online] Available from: <http://genproc.gov.ru/special/smi/news/news-63034/> (Accessed: 01.03.2019). (In Russian).

33. Agnati, L., Marcoli, M., Agnati, U., Ferraro, L., Guidolin, D. & Maura, G. (2017), The mis-exaptation of the prediction capability of humans and emergence of intolerant religious beliefs, *Neurology, Psychiatry and Brain Research*, vol. 23, pp. 43—53.